

Мои встречи с Окуджавой

Песни Булата Шалвовича Окуджавы мне нравились еще в школе. Сначала я их слушала на громоздком бобинном магнитофоне, потом, когда появились малыми тиражами мягкие пластинки, на проигрывателе.

Однажды мама вернулась с работы пораньше и сказала:

— Знаешь, к нам приезжал Окуджава, я с ним беседовала, у меня где-то автограф есть.

Он был в театральном училище, пел песни, рассказывал о своей жизни, ругал начальство. Простой такой, звездности — ни грамма.

Потом появились диски побольше, я окончила институт, вышла замуж, родила двух детей, переехала в Харьков.

Но все это не мешало мне каждое утро слушать Окуджаву. Хорошо пластинки с его песнями стали долгоиграющими, я реже переставляла иглу.

Осенью 1984 года Булат Шалвович Окуджава приехал в Харьков. И дал несколько концертов в ДК ХТЗ.

Зал, разумеется, был переполнен.

— Я полагаю, здесь собрались тракторостроители, — начал свое выступление Окуджава.

Раздаются аплодисменты и громкий смех.

После выступления Булат Шалвович согласился поехать к Вите Вилюковой, члену СП, в крохотную однокомнатную квартиру на Алексеевке. В домашней обстановке он пел запрещенную тогда "Римскую империю времени упадка".

Юношам империи времени упадка
снились постоянно то скатка, то схватка:
то они — в атаке, то они — в окопе,
то вдруг — на Памире, а то вдруг — в Европе.
А критики скажут, что "скатка", представьте, не римская деталь,
что эта ошибка, представьте, всю песенку смысла лишает...
Может быть, может быть, может, и не римская — не жаль,
мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римлянкам империи времени упадка,
только им, красавицам, доставалось сладко —

все пути открыты перед ихним взором:
хочешь — на работу, а хочешь — на форум.
А критики хором: "Ах, "форум", ах, "форум" — вот римская деталь!
Одно лишь словечко — а песенку как украшает!
Может быть, может быть, может, и римская, — а жаль...
Мне это немного мешает и замысел мой разрушает.

У меня сохранились фотографии того вечера. Дальше — новые времена: распад Союза, цены летят до небес, а выплат никаких нету.

4 ноября 1992 года у меня защита диплома в Московском литературном институте. Нужно собрать рецензии, мне их писали Киреев, Рекемчук, Анашенков, и подготовиться. А пока суд да дело мы с молодым поэтом Олегом Столяровым, студентом литинститута, ходим пить кофе в ЦДЛ. Деньги тают, как тонкие нейлоновые колготки под горячим утюгом.

— Смотри, у меня остались только потрепанные купюры, — говорю я Олегу.

— Да, в буфете ЦДЛ их не примут точно, — протягивает Олег. — Но для метро сойдут.

— Зачем нам метро, если не будет денег на кофе? — пожимаю плечами я.

— Брось! Можно материальную помощь попросить. Скажешь, на обратную дорогу нет. Марина Кудимова не откажет. "Белый, как хоругвь, подгузник", помнишь?!

— Еще бы, — откликаюсь я. — Но стихи — это одно, а деньги — совсем другое.

Нет в моем голосе оптимизма. Не верю я, что нам кто-то может помочь.

Поэтесса Марина Кудимова долго читает мое заявление. Потом нервно мнет его в руках. Наконец, произносит:

— Могу помочь из собственного кармана. Денег в литфонде нет совсем. Ни копейки.

Я неопределенно киваю.

Однако лезть в собственный карман Марина Кудимова не спешит.

— Постой, постой, — вдруг вздрагивает она. — Ты же Столяров Олег?! Так?!

— Ну, я.

Олег обычно не удивляется, когда его узнают литераторы — именитые и не очень, у него мама — поэт Инна Столярова. Богемная жизнь окружала его с пеленок. Вхож в их дом был и Булат Шалвович Оқуджава.

— Тебе перевод из Питера. Выступление на радио было?
— Было, — подтверждает Олег.
— Вот и помощь! — обрадовано говорит Марина. Я ясно вижу, как она ликует, что легко отделалась.
— Пойди на почту, получи, это недалеко, там сейчас открыто, перерыв окончился.
Олег неуверенно берет квадратик желтоватой бумаги, и мы выходим из ЦДЛ.
— Этот перевод я уже получал, — признается мне Олег. — Мы зря потратим время.
— Что же делать?
Вопрос риторический. Мы возвращаемся в буфет ЦДЛ, глазами ища знакомых.
За столиком у задней стенки пьет кофе в гордом одиночестве Булат Шалвович Окуджава.

В склянке темного стекла
Из-под импортного пива
Роза красная цвела
Гордо и неторопливо...

Исторический роман
Сочинял я понемногу,
Пробиваясь, как в туман,
От пролога к эпилогу".

— Булат Шалвович, — мигом подскакивает к нему Олег, — я с дамой, на кофе не хватает..
Окуджава молча протягивает 50 рублей.
Тогда на эти деньги кофе можно было пить месяц.
Мне до сих пор стыдно.

